

ГЛАВА 1

Горячее августовское солнце как будто зависло над спортивным городком. Неподвижный воздух был напитан ароматами заброшенных фруктовых садов, запахами прелых трав и полевых цветов. А еще в нем так же неподвижно висела пыль, выбитая из земли сапогами курсантов, запах пота и густой русский мат, то и дело вырывавшийся с хрипом из измученных глоток людей. Диверсионная школа абвера, работавшая под вывеской «Дорожно-строительная колонна № 27» с номером полевой почты № 00220, функционировала, как хорошо отлаженный конвейер. Начальник школы капитан Лун был человеком энергичным и отличался творческим, нестандартным подходом в своей профессиональной деятельности. Одной из главных его забот, кроме подготовки агентов, была еще и вербовка кандидатов.

Вербовались будущие диверсанты не только в концлагерях для советских военнопленных. Среди населения работали полномочные представители начальника лагеря. Они черпали будущие кадры

среди беженцев, безработных, людей с криминальными наклонностями, которые попадали в поле зрения немецких оккупационных властей. Претенденты прибывали в лагерь, где и проводилась окончательная вербовка. А потом — два месяца интенсивной подготовки.

Два часа перед обедом были самыми трудными. Без передышки, до одури, курсантов гоняли на спортивном городке, по полосе препятствий. До безупречности отработывали приемы приземления на парашюте, плавания в одежде и сапогах. После обеда полчаса перекур и теоретические занятия: изучение советских гражданских и военных документов, реальной обстановки в глубоком тылу в промышленных зонах, знакомство с системой работы милиции, местных органов власти. Вечером — зубрежка новых материалов, индивидуальная психологическая обработка, иногда внезапные «тревоги» по ночам.

Тех, кто не выдерживал или на чей счет у руководства школы возникали сомнения, отправляли в концентрационные лагеря Полтавы, Киева, Умани. Так охранялась секретность школы. Человек, знавший о ней, не должен был выдать эту тайну. И он исчезал.

Невысокий, с тонкими чертами лица и хитрыми прищуренными глазами, капитан Лун был удивительно похож на крысу, принюхивающуюся к куску сыра. У окна кабинета, выходящего во внутренний двор школы, рядом с начальником школы стоял высокий стройный человек с аккурат-

но подстриженными усами. Он смотрел на курсантов, занимающихся на полосе препятствий, и хмурил светлые брови.

— Скверный материал, — пробормотал он.

— Что вы сказали? — почти без акцента спросил начальник школы. — Вы недовольны подготовкой своих соотечественников?

— Вы не сможете подготовить их лучше, — пояснил мужчина с усами. — Дело не в том, что они мои соотечественники. Большинство курсантов не способны стать диверсантами и разведчиками. Физические данные не те, способности низкие. Вы набираете курсантов в самой низкой непрофессиональной среде.

— Вы очень умный человек, Храпов, — с сарказмом заметил Лун. — Вы в самом деле полагаете, что Германия будет тратить много сил и средств, чтобы подготовить агентов, которым нужно выполнить только одно простое задание? Одно, понимаете? Это расходный материал, одноразовые детали большого механизма. Мы выполняем приказ о тотальной заброске. Наша задача: наводнить Советский Союз диверсантами, это — как высыпать в подвал с продуктами ведро тараканов. Не важно, сколько из них подойдет по пути, сколько переловит НКВД и милиция. Главное, чтобы их было много, чтобы ваша родина, штабс-капитан, захлебнулась от обилия этой мрази. Они вам не нравятся? Меня тоже тошнит от них, но кто-то же должен работать и ассенизатором!

— Значит, и я для вас расходный материал? — Храпов повернул голову к начальнику школы.

— Вас ценит мое руководство, — ушел от ответа немец. — А я солдат и всегда выполняю приказы. Если мне сказали, что вы нам нужны, значит, я буду с вами работать. Но меня мало волнуют ваши возвышенные идеи. Мне все равно, кто из вас по какой причине работает на Германию. За деньги, из желания выжить, из-за обиды на советскую власть, от страха. Мне все равно.

— Вам не понять, что значит для человека Родина? — удивился Храпов. — Мне казалось, что немцы сентиментальная нация.

— Послушайте, Храпов. — Лицо Франца Луна стало каменным и холодным. — Никому не дано обсуждать нашу нацию. Даже вам. Отправляйтесь отрабатывать свой кусок хлеба, свое имение, о котором вы мечтаете. Что там вас еще привлекает?

Храпов от такого замечания сам превратился в кусок камня. До такой степени сжались его зубы, что кажется, вот-вот — и брызнет крошками эмаль. Затвердели скулы, руки в локтях стали стальными. Коротко опустив в кивке голову и щелкнув каблукми, бывший штабс-капитан повернулся и вышел из комнаты. «Убивать, — шептал он себе под нос, — убивать. Если бы я ненавидел большевиков меньше, чем вас, я давно бы заложил бомбу под это осиное гнездо! Господи, как стыдно, что приходится марать руки и сотрудничать с этими выродками.

Если бы не цели... Дорога в ад выложена благими намерениями!»

Храпов не понимал, как можно работать, как можно готовиться к заброске, даже не зная цели группы! Недоверие, презирают всех русских! Эх, отольются вам наши слезы — дайте только срок...

Но бывший штабс-капитан Храпов, член Русского общевойинского союза¹, понимал, что без помощи Германии большевиков не победить. Да, фюрер никогда открыто не обещал землю и власть в новой России после победы над ней русскому дворянству, не говорил о восстановлении монархии или демократического строя. Он видел новые земли лишь колониями для немецких арийских поселенцев. Но все же те из русских, кто пошел на сделку с Германией, надеялись, что со временем они сыграют определенную роль в глазах фюрера, что многое изменится в лучшую сторону. Что Россия станет прежней.

Храпов не знал, что капитан Лун долго смотрел ему вслед из окна своего кабинета, напряженно о чем-то размышляя.

— Разрешите? — раздался за спиной голос.

---

¹ Русский общевойинский союз (РОВС) — русская воинская организация, созданная 1 сентября 1924 года в рядах Белой эмиграции бароном Врангелем. Первоначально союз объединял военные организации и воинские союзы во всех странах русского зарубежья, в настоящее время объединяет потомков участников Белого движения и их единомышленников.

Немец повернулся. Инструктор по диверсионной работе Базанов, как всегда, стоял и потирал руки. Возникло ощущение, что он только что вышел из скотобойни. Но, заметив взгляд Луна, инструктор тут же опустил руки и вытянулся в почтительном ожидании. «Мясник, — снова подумал немец, глядя на инструктора. — Видел, как он бьет курсантов, как наказывает за проступки. Всегда обязательно до крови».

— Группа готова?

— Так точно, господин капитан, — уверенно отозвался Базанов.

Трое курсантов, одетых в одинаковые темно-серые комбинезоны, вошли и вытянулись перед начальником школы. Лун знал в лицо и по фамилиям всех курсантов. Обычно в школе их было не больше 50–60 человек. Лично проверяя подготовку, посещая занятия, капитан запоминал их со всеми сильными качествами и слабыми сторонами.

Старший группы Григорий Ведерин. Крупный, сильный. Настоящий русский медведь. Артиллерист, попал в окружение весной этого года. Родом из глубинки. На вербовку пошел сразу. Беспринципный человек. Главное для него — сытная кормежка и возможность чувствовать власть над другими. Этот будет держать группу в кулаке, этот хочет вернуться, получить награду и снова иметь сытную кормежку. Скот. «Боров, а не медведь», — хмыкнул про себя немец.

Невысокий худошавый Илья Пашко. Из местных жителей, родом из-под Харькова. Был безработным, слонялся по городам и весям. Попался на мелком воровстве. Искренне верит, что немцы установят на Украине настоящий порядок ради украинцев. Готов на все, но слишком любит жизнь и удовольствия. Поэтому легко пошел на вербовку, но поэтому же легко и предаст, если ему пообещают жизнь и удовольствия. Хороший исполнитель, с выдумкой, но нуждается в постоянном контроле.

Высокий бледнолицый Архип Санин. Утверждает, что перебежчик. Добровольно сдался немецким солдатам. Убежденный противник советской власти. Подтвердить, что из кулаков, не может. Но в подслушанных беседах с другими курсантами демонстрировал непримиримую ненависть к Советам. Темная личность. Было подозрение, что Санин заслан в школу подпольщиками, что он партизан или разведчик с той стороны. Проверку ему устроили простую, но эффективную. Включили в расстрельную команду. Пришлось разыграть спектакль и поставить к стенке двух не выдержавших подготовки курсантов, подлежащих отправке в лагерь. Лун распорядился завязать рты жертвам, чтобы не кричали лишнего. Архип Санин и еще пятеро курсантов сделали свою работу спокойно, без нервов. Ничто не изменилось в лице Санина, когда он бросил последний взгляд на тела убитых. Равнодушие. Этот будет убивать, будет взрывать.

И захочет вернуться, потому что там его самого поставят к стенке. А Санин мечтает о своем хуторе, коровах, о тракторе и бескрайнем поле пшеницы и подсолнечника, о маслобойне. Красиво он о своих мечтах говорит. Доносили о таких разговорах.

— Вы хорошо подготовлены, — отойдя к окну, заговорил Лун. — Руководство школы вами довольно. За хорошую учебу вам положена премия, но она будет храниться в моем сейфе и ждать вашего возвращения. Когда вы выполните задание и вернетесь, то получите награду. Хорошую награду. Вы сможете купить себе дом или выбрать любую квартиру в городе. После войны у вас образуется круглая сумма на счете, и вы сможете жить безбедно. Женитесь, родите детей. Ваши дети будут гордиться вами, когда по праздникам вы наденете костюм с наградами. Но помните, что измена, предательство, трусость — этого великий рейх вам не простит. Мы чтим своих героев, но и строго караем предателей. Сегодня можете отдыхать, но — ни грамма алкоголя!

Когда Базанов вывел курсантов на улицу и решил им быть свободными, все трое молча продолжали топтаться на месте.

— Пить нельзя, а то бы нарезаться сейчас, — проговорил Ведерин.

— Нарезаться? — ехидно хмыкнул Пашко и сплюнул себе под ноги. — А чего это? Нервы, что

ли, шалят? Я бы вот по бабам сейчас пошел. Так не выпустят же за ворота.

— Выспаться надо, — флегматично произнес Санин. — Когда еще придется.

Поздние совещания у Сталина были делом уже давно привычным. Нервозность первого года войны постепенно прошла. Сотни крупных предприятий были эвакуированы на Урал, в Сибирь. Нечеловеческие усилия рабочих и инженеров позволили в кратчайшие сроки возобновить производство необходимой фронту продукции, оружия и боевой техники. Враг отброшен от столицы, наращивается производство в оборонной сфере.

Но положение на фронтах по-прежнему напряженное. Развернулась битва за Кавказ. Немецкие войска рвались к бакинской нефти, танковые клинья вышли к Дону. Еще немного — и враг отрежет южные районы страны, разорвет коммуникации, которые так важны для армии и производства.

Сегодня в Кремле в кабинете Сталина собрались за столом руководители оборонных наркоматов. Сидели молча, напряженно просматривая принесенные с собой материалы, отчеты, докладные записки, пытаясь освежить в памяти цифры. Кое-кто переговаривался с сидящими рядом товарищами, пытаясь продемонстрировать свою уверенность.

Сталин поднялся из-за своего стола, неторопливо набил трубку, стоя к наркомам спиной. Он чувствовал, как напряжение в кабинете растет. «Боятся, — думал Сталин, щуря свои желтые глаза. — Пусть боятся, тогда работать из страха будут еще больше и лучше». Когда тебя глядят по голове, начинаешь чувствовать себя любимчиком и невольно надеешься на прощение своих недоработок и оплошностей. А вот когда каждый знает, что кроме поглаживания по голове, кроме орденов и премий, можно попасть и под расстрел, тогда работа начинает кипеть с удесятеренной силой.

— Я думаю, товарищи, что каждый из вас понимает, что расслабляться нам рано, — повернувшись к наркомам и попыхивая трубкой, заговорил Сталин. — Мы много сделали за эти полтора года войны. Пока наша славная Красная Армия, не щадя себя, билась с сильным и коварным врагом, заступала ему путь к Москве и Ленинграду, мы с вами сумели совершить невозможное — эвакуировать оборонную промышленность на восток. Подальше от фронта. Но оказалось, что этого мало, рано почитать на лаврах. Наши ресурсы неисчерпаемы, но их нужно доставлять к фронту, сырье нужно доставлять заводам. И самим оборонным заводам, кующим в тылу нашу победу, тоже надо думать о своей безопасности. Я думаю, товарищи, что мы позволим провести это совещание товарищу Берии.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Никто не посмел опустить глаза, изображая одобре-

ние. Ведь именно Лаврентий Павлович курировал оборонный комплекс.

— Разрешите, товарищ Сталин? — Берия, как на пружинах, поднялся со своего места, расправил гимнастерку под ремнем.

Он очень любил появляться на совещаниях с гражданскими наркомками в военной форме. И наоборот — в гражданском костюме на совещаниях с военными. Это как бы подчеркивало его особенность в иерархии советского правительства, делало его особенным в глазах других товарищей.

— Как всегда, товарищ Сталин очень верно расставил акценты, — продолжил Берия, — работать, работать и еще раз работать. Мы здесь, в тылу, должны быть достойны подвигов наших бойцов на фронтах. Но что я наблюдаю, о чем я докладывал товарищу Сталину, советуясь с ним, что мы можем сделать еще лучше, что исправить. Самоуспокоение многих наших директоров предприятий, наших красных командиров производств. Враг не дремлет, он пытается добраться своими кровавыми руками до наших кровеносных сосудов, до нашего горла. Еще много врагов скрывается внутри страны. Оперативники и следователи выявляют их без сна и отдыха. Но нельзя все сваливать только на НКВД, нельзя все сваливать на армию. Война идет не только на фронте, она идет и в тылу. И все мы с вами находимся на передовой этой войны. Каждый на своей передовой. У каждого из вас свой участок обороны!

Берия промокнул лоб с глубокими залысинами платком и сунул его небрежно в карман. Он успел бросить взгляд на Сталина, оценить, все ли он так говорит, правильно ли формулирует. Сталин стоял лицом к окну и покуривал трубку. Значит, правильно. Если бы что-то было не так, Сталин бы повернулся и недобро сверлил бы его глазами, а потом резко стал бы клеймить, хриплым злым голосом, тыкая пожелтевшим мундштуком трубки в сторону виновного.

— Надо быть не только достойными подвига нашего народа, но и оправдать его доверие. Не товарищ Сталин, не Берия поставили вас на ваши посты. Вас поставил и доверил вам заводы наш народ! Надо быть рачительными хозяевами. Кто лучше директора завода знает свое производство, территорию предприятия? Кто лучше наркома знает все, что происходит в его отрасли, какие есть сложности и трудности? Кто лучше директора завода, кто лучше рабочих его предприятия знает, как уберечь от врага народное достояние...

Наркомы сидели, покручивая в руках карандаши и гадая, куда клонит всемогущий Берия. Что доверил ему сегодня Сталин? Запугать, вывести на чистую воду, публично покарать? Каждый косился на соседа, пытаясь разгадать его реакцию. Кто сегодня фаворит, а кто — отработанный материал?

— Народ все видит, — продолжал Берия. — Ведь он вооружен оптикой, которую производит товарищ Добровольский.

Нарком еле заметно вздрогнул и чуть не сломал в руках карандаш. Неделю назад был арестован инженер Красногорского механического завода, обвиненный в пособничестве врагу. Косился на товарищей и нарком вооружения Устинов. Еще не закончилось разбирательство с жалобой на партию пистолетов ТТ с Ижевского машиностроительного завода № 74.

— Вчера мы с товарищем Сталиным обсуждали этот вопрос, — доверительно понизил голос Берия. — И нашли правильными идеи товарища Зальцмана¹. Нужно активнее использовать рабочих для выявления врагов, пособников и диверсантов. Рабочие знают друг друга, знают семьи своих товарищей. Не только военизированная и вооруженно-вахтерская охрана должна быть защитой. Смелее надо создавать истребительные батальоны, как это сделано в Саратовской и Куйбышевской областях. Могу привести пример работы Саратовского паровозоремонтного завода. Там тоже не стали ждать, пока все сделают за них товарищи из НКВД! Надо не только уметь делать танки, надо уметь и защищать свой завод! Учитесь, товарищи. Кто хочет, тот делает, у того получается. Ну а кто не хочет...

Берия засмеялся и развел руками. В кабинете снова повисла гнетущая тишина. И в этой тишине

---

¹ Исаак Моисеевич Зальцман — с июля 1942 по июнь 1943 года нарком танковой промышленности.

прозвучал тихий голос Сталина, решившего поддержать шутку:

— ...тем придется подождать товарищей из НКВД. Они помогут.

Когда после платформы Лосиноостровской из вагона электрички вышли почти все пассажиры, Максим Шелестов с наслаждением вытянул ноги. Они гудели, рубашка под пиджаком неприятно прилипла к телу. Двое суток на ногах, а август в этом году выдался жаркий. Он успел увидеть, понять Москву, сравнить ее со столицей 1941 года. И сейчас Москва жила по законам прифронтового города. Строго соблюдался комендантский час, улицы патрулировались красноармейцами, на ветровых стеклах автомашин были наклеены пропуска. Да и окна домов по-прежнему были заклеены крестообразно бумажными полосами. И обязательная светомаскировка в темное время суток. Вечером над городом всплывали сотни аэростатов воздушного заграждения. В магазинах и столовых продукты все еще отпускались строго по талонам.

Максим понимал, что в городе люди живут далеко не сытно, но это было приметой военного времени, недоедала вся страна, отдавая все необходимое в первую очередь армии. Но главное, что увидел Шелестов, это спокойствие в глазах москвичей. Он почувствовал, что город не боится повторения прошлогодних событий, что врага больше

не пустят под стены Москвы. А ведь война все еще шла, тяжелая война, и конца ей не было видно. И армии было тяжело: она все так же обливалась кровью, сдерживая фашистов на пределе своих возможностей.

Группу Шелестова поселили в старом дачном поселке Валентиновка за пределами Москвы. Почему Платов выбрал именно его для размещения группы, Шелестов не знал. Очевидно, важнее была удаленность от столицы, где, проживая на конспиративной квартире, все равно можно было запросто попасться на глаза кому-то из старых знакомых — сослуживцев или соседей по прежней квартире. Ясно, что секретность группы сейчас важнее всего.

Дом был старый, еще первой постройки 1906 года, когда создавался этот поселок. И чувствовалось, что в нем постоянно кто-то жил. Это всегда чувствуется, стоит только войти в дом: живут в нем или он долго стоял без людей. И дело даже не в запахах или слое пыли на мебели... Скорее всего, это была постоянная секретная база для сотрудников Платова, прибывающих в столицу. Соблюсти секретность в поселке было просто. Население — сплошь интеллигентное, нелюбопытное. Дома с высокими дощатыми заборами и густыми зарослями черемухи. За те несколько дней, что пришлось просидеть безвылазно в доме, Шелестов просмотрел небольшую библиотечку в шкафу. Попался чей-то рукописный дневник, в котором описывались именитые жители поселка, проживавшие

здесь в разные времена. Оказывается, в Валентиновке какое-то время жил и работал театральный режиссер Станиславский, поэты Борис Пастернак и Анна Ахматова. А незадолго до войны здесь поселилась Марина Цветаева.

Это были странные ощущения — близость к искусству, прикосновение к великому и война. Красивейшие движения человеческой души и кровь, много крови и горя. И все же, живя всего несколько дней в Валентиновке, Шелестов стал ощущать какое-то успокоение, душевное равновесие. Или это просто по прошествии времени стали забываться камерные ужасы, все пережитое и несправедливое?

— Дяденька, у вас пуговица скоро оторвется!

Максим открыл глаза, чувствуя, что на минуту задремал. Непростительная слабость! Девчонка лет шестнадцати, сидевшая напротив с книгой, оказывается, с интересом разглядывала его. Перехватив взгляд попутчицы, Шелестов уставился на пуговицу на рукаве пиджака. Она и правда держалась всего на двух нитках. Улыбнувшись, Максим дернул пуговицу и сунул ее в карман пиджака.

— Спасибо! Дома жена пришьет, — с улыбкой подмигнул он девчонке. — Хорошо подсказала, а то потерял бы.

— Нет у вас жены, — задорно махнула рукой девчонка.

Шелестов мысленно ругнул себя крепким словцом. Это где же он так промахнулся, что обычная

сельская девочка его раскусила? Казалось бы, обычный мужчина в стареньком мятом костюме. Ботинки в меру стоптанные.

— А с чего это ты решила, что у меня жены нет? — Шелестов сделал шутливые большие глаза. — Ишь, глазастая какая пигалица! Подумаешь, пуговица!

— А что, и глазастая! — засмеялась девочка. — Вы думаете, раз пуговица оторвалась, так вам ее и пришить некому. Думаете, что я из-за нее так решила? Не-а! У вас пуговица на рукаве пришита не такими нитками, как другие. Нитки черные, а толщина разная.

— Эх, деточка, — Шелестов вздохнул, изображая невысказанную горечь, чтобы его слова показались девочке убедительными. — Ты, наверное, москвичка? С самого начала войны в городе жила? Как тебя зовут?

— Меня Маша зовут, а что?

— А то, Машенька, что в других городах хуже со снабжением, чем в Москве. Некоторые только что от фашистов освободили. И там трудно достать нитки. Уж тем более такие, какие хочется. Вот и пришиты пуговицы разными нитками.

— Ой, простите! — Глаза у девочки стали большими, круглыми и очень виноватыми. — Правда, простите! Я часто болтаю, не думая. Слетает с языка, а потом жалею. Вы на фронте были, да? Ближе к фронту, там, где фашистов недавно прогнали. Я знаю, читала, как там трудно людям. Я что, у ме-

ня мама актриса театра. Только когда театр эвакуировали, она пошла работать швеей, шить одежду для фронта.

Шелестов закусил губу. Вот точно, болтает все подряд, того и гляди сболтнет первому встречному, что нитки у них дома есть именно потому, что мама работает на швейной фабрике. Понятно, что войну мы не проиграем, если одна женщина возьмет домой пару метров ниток. Пусть даже каждая работница возьмет по паре метров ниток. Страна не погибнет, даже не почувствует, но ведь мать этой девочки может пройти через те ужасы, с которыми Шелестов был так хорошо знаком. Камеры, унижения, боль, стыд и позор на всю оставшуюся жизнь. Поморщившись, Максим перевел разговор на другую тему:

— А ты чего одна едешь? Мама где? Не боишься ездить в загородных электричках?

— А кого бояться? — Девочка подсунула под себя руки и беспечно болтала ногами. — Люди кругом — добрые, они всегда друг другу помогают. Да и знаю я почти всех, кто тут ездит. Вас вот первый раз увидела, а так тут только дачники ездят да кто в деревнях возле дачных поселков живет.

Они поболтали еще: о людях, о погоде. Узнав, что Маша едет в Валентиновку, Шелестов заявил, что ему ехать гораздо дальше. Если бы попутчице было лет двадцать, Максим вполне мог бы заподозрить, что она подослана НКВД или вражеской агентурой.

«Вот так мы перестаем верить людям, — со вздохом подумал он, — простым советским людям. Обычная девчонка — очень хорошая, добрая, симпатичная. Наверное, следующим летом окончит школу и выйдет во взрослую жизнь. Она сейчас вокруг очень взрослая и страшная, жизнь-то, но эта девчонка умудряется жить в мире иллюзий. Какая гибкая психика у детей! Но потом ей придется взрослеть, придется идти работать, чтобы помочь фронту, или пойти учиться на связиста, санинструктора. И на фронт? Господи, хоть бы к тому времени война кончилась! Или перелом наступил, чтобы не было необходимости брать в армию вот таких девочек. Ну вот, теперь я окунулся в мир иллюзий, — подумал Шелестов с неудовольствием. — Не кончится война к лету будущего года. Тяжело думать об этом, но нам еще воевать и воевать, чтобы переломить хребет Гитлеру. А ведь дело не закончится тем, что мы вышибем вражескую армию со своей территории. Это же элементарно: надо идти до конца, идти в Европу и добивать зверя в его логове, надо до его глотки добраться и придушить. Иначе война не закончится. Только так! А значит, еще не скоро...»

— До свидания, дядечка! — Маша встрепенулась, когда электричка, сбавив ход, поползла вдоль платформы.

Схватив авоську с двумя буханками хлеба, девочка поспешила к выходу, следом потянулись еще несколько пассажиров. Шелестов с улыбкой

проводил взглядом худошавую, но уже вполне сформировавшуюся девичью фигуру, оглядел ее стройные загорелые ноги в стоптанных сандалиях, потрепанное ситцевое платье и непослушные волосы наполовину распустившихся кос. Дождавшись, когда Маша скроется в тамбуре, Шелестов поднялся и пошел к другой двери вагона. Кажется, никто к его персоне не проявлял интереса. В вагоне остались только две пожилые женщины да старичок в белой панаме, читавший газету.

На платформе было мало людей, поэтому Шелестов открыл противоположную дверь и спрыгнул на щебень насыпи. Электричка вскоре тронулась. Теперь можно было двигаться и самому. Как понял Максим, почти все сошедшие здесь пассажиры отправились в сторону Василевского и Сосновки. Кто пешком, кто на велосипедах. А за кем-то приехал настоящий рессорный тарантас, кучером на котором восседал с горделивым видом деревенский босоногий паренек в кепке со сломанным козырьком.

Маши не видно было. Наверняка она уже топает своими длинными ногами по тропинке через лес. До Валентиновки здесь недалеко, если идти напрямик по тропе. По проселку ездят на телегах и машинах, но это крюк почти в два километра.

Показываться людям в этих местах Шелестову было совсем ни к чему. Войдя в лес, Максим сбавил шаг, покрутил головой, прислушиваясь, и не удержался — вдохнул душистый воздух полной гру-

дью. Как же хорошо-то! Лес благоухал ароматами трав и последних летних цветов. Он был пропитан прелым запахом прошлогодних листьев. В воздухе вились стрекозы, проносились большие жуки, а в стороне от тропинки пели и перекликались лесные пичуги.

Шелестов быстрым шагом двинулся по тропе. Хватит наслаждаться, пора думать о предстоящей операции. Два дня он провел в Москве на Лубянке, где в специально отведенной комнате его знакомили с материалами, не подлежащими выносу. Конечно, он был там под другой фамилией, с пропуском, выписанным на другого человека. Эту заботу взял на себя старший майор Платов. Теперь предстояло проинструктировать группу, продумать схему работы.

Короткий вскрик. Шелестов замер на месте, медленно опустил ногу, поднятую для следующего шага. Что это? Человеческий голос или крик птицы? Если человеческий, то явно женский. Женщина в лесу кричит... а с электрички сошла школьница Маша, которой тоже в Валентиновку! За эти двое суток в Москве, пока Шелестов работал в кабинете на Лубянке, а ночевать шел на конспиративную квартиру, он не слышал ни о бандах, ни о грабежах. А ведь если бы такое бывало, то в народе ходили бы слухи. Кажется, прошлогодний указ о признании Москвы на осадном положении сыграл свою роль. Сколько было расстреляно на месте преступления воров, грабителей и насильников!

Ноги сами понесли Максима вперед, хотя сознание говорило, что он не имеет права вмешиваться, что бы там ни происходило. Ему нельзя светиться, нельзя лишний раз показываться местному населению в том месте, где временно базируется его группа, готовясь к новой операции.

Впереди мелькнула фигура. Ясно, что это мужчина в светлой тенниске с синим воротником. Кажется, их там двое. На втором белые суконные полботинки. Тропа прямая, просматривается в обе стороны метров на сто.

Максим решительно шагнул в сторону. Пригибаясь, он быстро обошел кустами прямой участок тропы. Дважды умудрился наступить на сухие ветки, но, видимо, этот звук не привлек внимания людей на тропе. Скорее всего, им было не до звуков безлюдного леса.

Шелестов стиснул зубы, разобрав, как Маша пытается крикнуть, но ей зажимают рот. Он узнал девочку по голосу.

— Мерзавцы, — прошептал Максим вполголоса, когда увидел наконец двух молодых мужчин, поваливших девочку на траву и задравших подол ее тонкого цветастого платья.

Маша билась из последних сил, брыкалась ногами, и насильникам никак не удавалось с ней справиться. Сейчас их терпение лопнет, и тогда негодяи начнут ее бить!

Оглянувшись по сторонам, Шелестов бросился вперед. Насильники не видели его, он был за их

спинами. Вытарашенные, полные ужаса и отчаяния глаза девочки смотрели на него поверх широ- ченной ладони, зажимавшей ей рот. Резкий удар ребром ладони чуть пониже уха бросил одного из нападавших на землю. Мужчина в тенниске пова- лился как куль, но второй оказался проворным. Он откатился в сторону и тут же вскочил на ноги, ши- роко расставив руки. В ярком луче солнца блеснуло лезвие складного ножа.

— Ты че, мужик? — оскалился нападавший. — В герои решил записаться? Так я тебя пропишу сейчас по этому адресочку.

Маша, всхлипывая и судорожно одергивая подол платья, стала отползать к дереву. От страха у девоч- ки не было сил даже подняться на ноги. Шелестов, фиксируя взглядом руку с ножом, стал медленно приближаться к бандиту. Гадко ухмыляясь, тот де- лал обманные движения вооруженной рукой, ими- тировал выпады вперед, перемещался то вправо, то влево. Было очевидно, что этот тип имеет большой опыт подобных потасовок. Но он и представле- ния не имел о навыках человека, стоявшего перед ним.

Максим мог убить насильника буквально за секунду, несмотря на все его хитрые телодвиже- ния. Он мог обезоружить его, мог покалечить, мог оставить в живых. Но сейчас Шелестова душила такая злость, что ему захотелось причинить этому гаду как можно больше боли. Но и пугать до конца девочку ему тоже не хотелось. И вообще, возиться

долго было нельзя. Не дай бог появятся люди или милиция.

Умышленно открывшись, Максим шагнул вперед. Уголовник отреагировал мгновенно. Сделав финт правой рукой и поднырнув под возможный защитный удар, он нанес удар ножом в пах. Точнее, попытался нанести. Шелестов предвидел его выпад. Фактически он спровоцировал противника именно на такой ход.

В один момент запястье бандита оказалось в руке Максима. Насильник не успел выдернуть руку и рвануться всем телом назад. Шелестов мгновенно переместился вбок и резким ударом опустил противника локтем на свое колено. Что-то хрустнуло, мужик болезненно вскрикнул. Нож упал на землю. Отшатнувшись назад, скривив рот, потерпевший собрался было разразиться страшными блатными ругательствами и угрозами. Но в этот момент Шелестов нанес ему сильный удар ногой в промежность. Противник, ахнув, согнулся пополам, зажимая руками ушибленное место. Максим взял его за волосы и, подставив колено, резко рванул голову вниз. Истошный вопль огласил лес. Насильник повалился на траву рядом с телом своего приятеля. Он зажимал ладонями лицо и катался по траве, обливаясь кровью.

Терять время и наслаждаться победой было некогда. Схватив Машу за руку, Максим потянул ее в лес, надеясь сократить путь через березняк.

— Бежим! Быстрее, — крикнул он, не выпуская руку девочки.

— Дядечка... я не могу, — простонала Маша. — Ноги трясутся. Я не могу!

— Ах ты, стрекоза! — ободряюще засмеялся Максим, подхватил девочку на руки и пошел быстрым шагом.

Маша доверчиво обхватила его руками за шею и начала плакать.

— Ничего, — тихо проговорил Максим, — все забудется. Ничего страшного не случилось.

В доме было тихо, только над столом хрипела и дребезжала черная тарелка репродуктора. Коган и Сосновский лежали на кроватях и, глядя в давно не крашенный потолок, слушали сводку Совинформбюро. Буторин сидел за столом и чистил старенький примус, подстелив по него прошлогоднюю газету.

«Итоги трехмесячных боев на советско-германском фронте (с 15 мая по 15 августа). Красная Армия вела и ведет ныне в районе Воронежа, в излучине Дона и на Юге непрерывные кровопролитные бои против наступающих немецко-фашистских войск. Эти бои носят крайне ожесточенный характер. Немецко-фашистские оккупанты захватили в районе Дона и на Кубани большую территорию и важные в промышленном отношении города — Ворошиловград, Новочеркасск, Шахты, Ростов, Армавир, Майкоп. Хотя большая часть населения занятых

немцами районов была эвакуирована, хлеб и оборудование заводов вывезены, а частично уничтожены при отходе, Советский Союз понес за это время значительные материальные потери.

За истекшие месяцы ожесточенных боев на советско-германском фронте Красная Армия в упорных боях нанесла немецким, итальянским, румынским и венгерским захватническим войскам огромный урон в людях и боевой технике. За три месяца активных боевых действий летом этого года, с 15 мая по 15 августа, немцы потеряли 1 250 000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 480 000. Они потеряли, кроме того, 3390 танков, до 4000 орудий всех калибров и не менее 4000 самолетов.

Потери советских войск с 15 мая по 16 августа составляют: убитыми, ранеными и пропавшими без вести 606 000 человек, 2240 танков, 3162 орудия всех калибров, 2198 самолетов. Набившие руку на фальшивках гитлеровцы жонглируют головокружительными лживыми цифрами. Так, 12 августа с.г. немцы опубликовали сообщение об итогах весенне-летних боев этого года. Гитлеровцы утверждают, что немецкие войска за этот период якобы взяли 1 044 241 пленного, захватили или уничтожили 10 131 орудие, 6271 танк и 6056 самолетов! Опубликованные Совинформбюро фактические данные о потерях Красной Армии начисто отменяют лживые сообщения гитлеровцев...

В течение сегодняшнего дня наши войска вели бои в районах Клетская, северо-восточнее Котельнико-

во, а также в районах Минеральные Воды, Черкесск, Майкоп и Краснодар...»¹

— Значит, и вам веры не было, — проговорил Коган, подложив руки под голову. — Зачем держать МИД, внешнюю разведку, если никому не верят?

— Ты о чем? — нахмурился Сосновский.

— Обо всем, — огрызнулся Коган. — О дипломатах, о тебе, о себе. Вон о Викторе.

— Я тебе чем лежать мешаю? — угрюмо спросил Буторин, повернув голову с седым ежиком в сторону Когана.

— Не мешаешь, — хмыкнул Коган. — Взялся починить примус, чини. Максим Андреевич сегодня должен вернуться. Может, пожрать чего вкусенького принесет. А то эта каша на воде уже в горло не лезет. Я просто хочу знать, почему, когда только ленивый не сообщал о предстоящей войне, все равно информация ставилась под сомнение?

— С чего ты взял, Борис, что ставилась под сомнение? — ровным голосом осведомился Сосновский. — Все учитывалось, все принималось к сведению. Просто у правительства была надежда отсрочить ее начало. Каждый выигранный месяц мог усилить нас. Вы же знаете, что «тридцатьчетверки» едва успели запустить в серию до начала войны, оснастить хоть какую-то часть соединений новыми танками. Про «КВ» я вообще молчу. А но-

---

¹ Из сводки Совинформбюро от 18 августа 1942 года.

вые «яки»? Они же на порядок совершеннее наших «И-16»!

— Это понятно. Но понятно и то, что они все остались на аэродромах, по которым враг нанес бомбовые удары в первые часы нападения. Говорят, не успели отремонтировать и модернизировать все военные аэродромы, поэтому такая скученность самолетов была на запасных и полевых временных аэродромах. Мне говорят, и я верю, хочу верить, потому что думать, что это вранье, — тогда лучше застрелиться. Но я хочу и другое знать. Я хочу знать, почему нам не верят. Когда не верят, это самая страшная пытка. Такая война, а тебе не верят.

— А ты многим верил, следовательно? — вытирая руки старой рваной наволочкой, спросил Буторин. — Верить тоже опасно. Ты чего завелся? Застрелиться хочешь? Никто не мешает. А только в такое время лучше думать о другом: как Родине помочь, как пользу принести, как забыть все, что было. Потому что обида будет глотать тебя, пока ты ошибку во время операции не совершишь. Может, хватить ныть, Боря?

— А я не ною! — Коган вскочил с кровати и начал ходить из угла в угол, возбужденно потирая руки. — Я просто боюсь. Боюсь ничего не знать. Да, враг не прорвался к Москве, но теперь он подползает с юга. А мы ничего не можем сделать. Сидим тут!

— А ты ляг, — спокойно посоветовал Сосновский.

Машина въехала во двор, охранники в гражданских костюмах тут же закрыли высокие ворота. Шелестов ждал своего начальника на веранде. Платов легко взбежал по ступеням и остановился, глядя на развешенные на веревке брюки.

— Отстирал уже?

— Так точно, — помедлив, ответил Максим.

Врать в его положении было глупо. Да и не хотелось. Платов умело держал дистанцию, и в то же время отношения между ними за все время существования и работы группы стали ближе, доверительнее. Решения всегда принимал сам Платов, хотя Шелестову и членам его группы приходилось встречаться и с самим всесильным Берией, курировавшим их работу. Нарком задавал тон, он отдавал приказ, ставил общую задачу. А вот ее выполнение, пути решения и тонкости проведения той или иной операции разрабатывались с ведома и при участии старшего майора Платова.

— Пошли к тебе, — коротко приказал Платов и вошел в дом.

Они прошли по коридору мимо общей комнаты, откуда были слышны голоса других членов группы. Платов сбавил шаг, прислушался.

— Как они?

— Готовы выполнить любой приказ, — бодро ответил Шелестов.

Платов поморщился.

Они вошли в соседнюю комнату. Шелестов плотно прикрыл дверь, старший майор недовольно заговорил:

— Максим Андреевич, мне бы не хотелось, чтобы спустя столько месяцев нашей совместной работы между нами возникало недопонимание по некоторым вопросам. Скажите, что это была за выходка в лесу? Хорошо, вы успели застирать брюки и рубашку от крови. Я был в милиции и видел разбитый вдребезги нос. Что это? Пустое фанфаронство, бахвальство перед наивной девочкой, желание похвастаться, мол, вот что я могу? Или стремление сбросить напряжение, выразить протест, на ком-то сорвать зло? Здравый смысл вашего поступка я просто отметаю, потому что считаю вас умным человеком холодных суждений, профессиональным разведчиком.

— Никто же не установит, что это сделал я, — спокойно ответил Шелестов.

— А если установит? Если какой-нибудь ушлый участковый обойдет окрестности, выяснит у любопытных соседей, кто тут живет и насколько странно поведение жильцов этой дачи? И свяжет способности в рукопашной схватке одного из проживающих с событиями в лесу? Вас никто не обвинит в преступлении, вас даже поблагодарят, только на работе группы можно будет ставить крест. Вы понимаете, что подставили под удар и своих товарищей, и меня, и всю идею вашей работы?

Волнение куда-то ушло. Страх перед Платовым не было вообще. Было только беспокойство, возникавшее иногда на протяжении этих месяцев, что вот очередная операция станет последней, а потом всю группу снова вернут в камеры, и их больше никто и никогда не увидит. Зачем оставлять источник секретной информации? Но с другой стороны, Платову хотелось верить. Был в нем какой-то свой, внутренний, кодекс чести. В разговоре с Платовым не хотелось врать, даже если в этом и была необходимость. С ним хотелось разговаривать откровенно. Максим понимал, что это черта, способность профессионального разведчика — умение располагать к себе, вызывать на откровенность. Но все равно ему хотелось говорить со старшим майором откровенно, открыто.

— Я могу ответить? — Шелестов посмотрел в глаза Платову.

— Можешь, — ответил старший майор, и голос его выдал. Шелестов почувствовал страшную, накопившуюся усталость, которая, видимо, изматывала Платова из месяца в месяц.

— Я знал, что спасти ту девочку опасно для меня, для группы и для предстоящей операции. Я знал, чем рискую. Но мы всегда рискуем и раньше рисковали. Такая у нас работа. Дело в другом, Петр Анатольевич. И я хотел, чтобы вы это знали. Если пройти мимо, когда два выродка насилуют несовершеннолетнюю девочку, ломая ее будущую жизнь, если пройти мимо другой беды, калечащей

чью-то жизнь, тогда зачем все это? Зачем воевать с фашистами, зачем выявлять врагов народа, шпионов, вредителей? Для чего? Ведь все, что сейчас делаем мы, весь наш народ, все мужчины, что надели форму и встали под ружье, не затем ли, чтобы защитить вот таких девочек, женщин, стариков, детей — всех тех, кто не может защититься сам! Зачем тогда вообще жить, если не можешь отвести беду?

— Знаешь, Максим Андреевич, — Платов вздохнул и откинулся на спинку стула, на котором сидел. — Я никогда не считал тебя демагогом. Нет, ты не хмурь брови! Я и сейчас не считаю. Но только, чтобы оправдать свой проступок, ты пытаешься подвести под него платформу из высоких понятий.

— Для меня это не просто высокие понятия, — заявил Шелестов, понимая, что переспорить Платова ему не удастся.

— В данном случае это просто неуместно, — продолжил настаивать старший майор. — Вы же разведчик, вы понимаете, что невозможно все и всегда свести к простой математике: что лучше потерять пять человек, чем пятьсот, что лучше сейчас отойти, отступить на километр, чтобы завтра можно было продвинуться вперед на сто.

— Я говорил не об арифметике, — вздохнул Шелестов безнадежно, — я о главных ценностях жизни — о морали, если хотите.

— Нет законов у разведки. И у войны нет законов. О них пишут и говорят журналисты и писате-

ли. А у нас другое — неукоснительное выполнение приказа, достижение цели, поставленной задачи. Невозможно выполнить приказ, но «при условии», невозможно выполнить свой профессиональный долг, но «с оговорками». Жестко? Да, в этом жестокость войны, в этом жестокость нашей с вами профессии. Поэтому в разведку попадают люди, для которых самое важное в этом мире — их профессия, их долг. Все остальное? Да, оно ниже, оно далеко, оно менее важно. Вот так все просто. И не будем больше об этом. Теперь вы знаете мою позицию. Теперь о вашем задании. Вы познакомились с материалами?

— Да, я ознакомился с подборкой сведений о разведывательно-диверсионных школах абвера, особенностях подготовки и действиях групп в нашем прифронтовом и глубоком тылу. Наша задача будет заключаться в противодействии забросам в наш тыл?

— Вы в курсе событий на Сталинградском направлении? — спросил Платов, сложив руки на столе и пристально взглянув в глаза Шелестову.

— Сталинград? — удивился Максим. — Нас хотят отправить в Сталинград?

— Надеюсь, это профессиональное удивление, а не испуг, — холодно заметил Платов.

— После камер НКВД и имитации расстрела меня мало что может испугать, — не удержался от колкости Шелестов.

— Я надеюсь на это. В Сталинграде вам делать нечего. Это войсковая операция, там работает армейская контрразведка. Вам предстоит другая задача. В нашем глубоком тылу. Но от этого она не намного легче.

ГЛАВА 2

Самолет болтало нещадно. Обойти грозовой фронт пилотам удалось, но теперь пришлось снова возвращаться на заданный курс. Ночью, при почти полном отсутствии ориентиров и пользуясь лишь угловыми параметрами и скоростью самолета, курс рассчитать можно было только приблизительно.

В открывшейся двери пилотской кабины показалось лицо штурмана.

— Тридцать минут до места выброски. Ждите! — коротко сообщил он по-немецки.

Ведерин кивнул. Из всей группы он один немного понимал немецкий язык, но ответить не решился. Его тошнило от этой болтанки так, что, казалось, открой рот — и тебя тут же вывернет наизнанку. Тем более что Илью Пашко рвало в хвосте самолета уже больше часа. «Хорош диверсант», — с омерзением подумал Ведерин и посмотрел на сидевшего напротив Санина. Архип хоть и выглядел бледным, но на лице — ни гримасы, ни намек на рвотные позывы. Как каменный! Истукан.

Перехватив взгляд старшего группы, Санин вопросительно посмотрел на Ведерина.

— Тридцать минут! — крикнул Григорий, перекрывая гул моторов, и показал одной рукой три пальца, второй — ноль. — Выходим на точку!

За темными стеклами иллюминаторов вдруг стали вспухать яркие огненные шары, превращающиеся в белесые облака и снова тающие во тьме. Самолет резко накренился и стал набирать высоту, уходя из-под заградительного огня. Вдруг машину резко трянуло, потом еще. По полу, почти на четвереньках, к командиру подобрался Пашко, вытер рот рукавом фуфайки.

— Сядь! — приказал Ведерин. — Скоро прыгать!

— Конец нам, — взвизгнул Пашко, когда очень близко разорвался очередной зенитный снаряд.

— Заткнись, — процедил сквозь зубы Ведерин и ухватился за сиденье руками.

Несколько раз в иллюминаторы транспортника бил яркий свет. Прожектора пытались захватить самолет и удержать, но летчики умело уходили от захвата. Несколько минут шла погоня, игра в пятнашки со смертью, а потом все стихло.

Диверсанты замерли на своих дюралевых лавках. Каждый ждал, что вот-вот откроется дверь пилотской кабины. Будто холодной волной окатило внутренности каждого, когда эта ненавистная дверь открылась и показалось лицо штурмана.

— Прыгать! Сейчас. Мы на месте выброски.

— Встать! — рявкнул Ведерин, поднимаясь на ноги и придерживаясь за поручни. — Пошли. Архип, мешки к люку.

Санин наклонился и подтащил ближе к люку мягкие контейнеры с имуществом группы. Бледного Пашко пришлось подталкивать в спину. Осмотрев его парашют, Ведерин пристегнул его вытяжной фал к тросу под потолком.

Штурман распахнул дверь, и в лицо ударил холодный ветер. Пашко шагнул было вперед, но у самой кромки люка вдруг остановился.

— А, мать твою, — буркнул со злостью Ведерин и сильным ударом в спину вытолкнул подчиненного наружу.

Санин посмотрел на командира, коротко кивнул и кинулся в проем люка, как учили, головой вперед. Ведерин, пристегнув карабинами вытяжные фалы парашютов к тросу, один за другим выбросил мягкие контейнеры. Сделав глубокий вдох, бросился в темную пропасть сам.

Вокруг расстилалась непроглядная тьма. После рывка раскрывшегося парашюта Ведерин повис на стропах, чуть покачиваясь. В какой-то миг он вообще потерял ориентацию в пространстве — где самолет, где низ, где верх? Понимая, что в нем поднимается паника, Григорий стиснул зубы и стал всматриваться в темноту. Вот короткий проблеск света. Кивнули фары машины и исчезли. Где-то машина едет по ухабам. На несколько секунд водитель включил фары, чтобы рассмотреть дорогу.

Чуть левее в воздухе мелькнуло белое полотнище купола парашюта. Это или Архип, или один из контейнеров.

И вдруг чернота внизу стала надвигаться. Ведерин машинально поджал ноги. Земля, лес, река — что там сейчас? Ясно, что не город, не крыши домов.

Земля появилась из черноты сразу и больно ударила по ногам. Григорий, как учили, повалился на бок, и его потащило по земле. Но полотнище быстро наткнулось на куст и остановило движение, трепеща на ветру и хлопая краями, как раненая птица крыльями.

Отстегнув стропы, Ведерин встал на ноги и, озираясь по сторонам, принялся собирать в комок свой парашют. Главное, смотать его, чтобы не белел в темноте, не привлекал внимания. Спрятать можно и потом, и еще — надо найти остальных и контейнеры.

«Чертовы пилоты, проклятые немцы! Куда сбросили?! Мы для них скоты, расходный материал. Если потеряли ориентиры, то должны были вернуться на базу, а они, видимо, приказ выполняли. Выбрасывать все равно. Хотя нас учили вживаться, нам преподавали обстановку в тылу, нам объясняли, как пробираться к объекту по советской территории даже за сотни и тысячи километров».

Обмотав смятый купол стропами, Ведерин сунул его под куст. Осмотревшись, понял, откуда дует ветер, проследил направление, по которому его

тащило по земле, решил, что его люди должны были приземлиться южнее.

Через пятнадцать минут Григорий нашел первый контейнер. Купол, зацепившийся в поле за небольшую кривую березку, трепало на ветру. Вторым контейнер должен быть поблизости, он ведь вытолкнул их оба с интервалом всего в несколько секунд. Он нашел его на опушке леса, где матерящийся Санин пытался стянуть парашют с густой кроны дерева.

— Ты как, цел? — спросил Ведерин.

Санин обернулся, его рука дернулась к кобуре на ремне.

— А, это ты... Вот сука, не достать его никак. И оставлять нельзя. Утром первый же колхозник заметит и позвонит куда следует!

— Колхозник, — зло повторил Ведерин. — Знать бы еще, куда нас выбросили. Хорошо, если колхозник, а то, может, в километре большой город, тогда нам крышка! Брось пока. Пошли Пашко искать, потом в одном месте все закопаем или в реке утопим, если такая поблизости найдется. Если нас сбросили, как и планировали, то западнее Саратова полно мелких речушек.

Разойдясь в стороны метров на десять, Санин и Ведерин двинулись туда, где мог приземлиться третий член группы. Они обошли небольшой перелесок, спустились в заросшую кустарником балку. Пашко нигде не было. «Неужели сбежал?» — подумал со злостью Ведерин. Сейчас его беспокоило,

что своим поступком Илья выдаст их. Глупо попадется первому же милиционеру, без документов, с оружием. Хотя оружие он может и выбросить.

— Вон он! — крикнул Санин и побежал куда-то вправо.

Ведерин повернулся и стал смотреть в указанном направлении. Теперь и он заметил, что в кустарнике что-то белеет. Неаккуратно скомканный парашют на ветру расправил один край, и тот теперь трепыхался, как небольшой флаг.

— Здесь я, чего вы! — оскалился в невеселой улыбке Пашко, появившись из-за дерева. В руке он держал пистолет, который сразу же опустил. — Я уж думал, НКВД или милиция.

— Забирай парашют и пошли! — приказал Ведерин, наблюдая, как Илья неторопливо убирает пистолет в кобуру. — Мы нашли контейнеры, надо все спрятать и уходить отсюда. На рассвете могут появиться поисковые группы с собаками.

Стащить с дерева парашют не удалось даже троим. Как диверсанты его ни дергали, гибкий ствол и ветки пружинили, а ткань плотно сидела на них и никак не желала сползать. За час упорной работы удалось стащить только треть купола, но дальше дело не двигалось.

— Илья, лезь на дерево, — приказал Ведерин. — Ты самый легкий. Срежь полотно и стропы, а мы будем стягивать.

Пашко послушно полез на дерево. С его помощью наверху дело пошло быстрее. Но тут раздался